

П а м я т и

учителя Луки Ивановича Волковскаго.

Въ самомъ началѣ своей замѣтки поставлю вопросъ: кто не зналъ Луку Ивановича? Какъ прекрасный преподаватель—педагогъ, онъ по себѣ оставилъ добрую память во многихъ сердцахъ. Сколько онъ далъ своему отечеству достойныхъ мужей, въ настоящее время съ пользою исполняющихъ разныя служебныя обязанности? Не десятки, а сотни его воспитанниковъ разбросаны по матушкѣ Россіи. Самый большой процентъ его воспитанниковъ—въ мірѣ духовенства и преимущественно въ Саратовской губерніи. Вотъ на примѣръ: священникъ, которому за 60 лѣтъ, спросите его о начальномъ образованіи, кто, такъ сказать, въ душу и сердце его вложилъ зачатки образованія. Старецъ—священникъ отвѣтитъ: „Лука Ивановичъ“ и притомъ, сотворивъ крестное знаменіе, съ любовью и сожалѣніемъ, добавитъ: „прекрасный былъ учитель! Царство ему небесное!“—Лука Ивановичъ умѣлъ произвести точный анализъ юношескимъ способностямъ и почти безошибочно опредѣлялъ въ какой послѣдовательности развивать мыслящую дѣятельность у того или другого ученика. Въ 1876 году я, нижеподписавшійся, у Луки Ивановича готовился во второй классъ уѣзднаго училища. Въ то время онъ жилъ въ г. Петровскѣ Саратовской губ. и (на Дворянской улицѣ) занималъ большую квартиру (въ домѣ И. И. Петрова). Въ это время у него былъ цѣлый пансіонъ,—квартировало у него около 25 учениковъ и все это были дѣти духовенства, чиновниковъ, управляющихъ и т. п. Да не подумаетъ читатель, что Лука Ивановичъ, имѣя у себя столько учениковъ, преслѣдовалъ

этимъ корыстныя цѣли, объ этомъ говорить сама за себя та скромная сумма, которую онъ получалъ съ каждаго ученика. (а плата была довольно низкая) за квартиру, содержаніе и репетицію онъ получалъ только 6 рублей въ мѣсяць. Каждаго ученика онъ репитировалъ по вѣсьмъ предметамъ, какіе только преподавались въ духовномъ или уѣздномъ училищѣ. Всѣ ученики Луки Ивановича аккуратно, переходили изъ класса въ классъ, а по окончаніи курса этихъ училищъ поступали въ высшія учебныя заведенія. Готовились у него и такія лица, которыя желали сдать экзамень на учителя. Дисциплина въ квартирѣ Луки Ивановича была образцовая (Помню, ежедневно кромѣ дней наканунѣ праздниковъ) обыкновенно всѣ ученики съ 4 час. поудни садались за приготовленіе уроковъ, и Лука Ивановичъ былъ среди нихъ и занимался по очереди съ каждымъ по математикѣ, русскому языку, латинскому, греческому, географіи и т. п. Большую часть времени онъ удѣлялъ, тому ученику, который проявлялъ слабыя познанія по какому-либо предмету и получалъ въ училищѣ не удовлетворительную отмѣтку. Такъ шли занятія въ квартирѣ Луки Ивановича изо-дня въ день. Въ 6 час. былъ чай, на что полагалось полчаса. Съ 6 час. 30 мин. опять занятія до 8. Во время вечернихъ занятій, если Лука Ивановичъ не занимался съ учениками, то сидѣлъ съ ними въ одной залѣ и читалъ газету „Голосъ“; чтеніе онъ часто прерывалъ, такъ какъ къ нему подходили ученики и просили разъясненій, то по одному, то по другому предмету; больше всего обращались за разъясненіями по греческому и латинскому языкамъ. Когда подходилъ ученикъ за разъясненіемъ, Лука Ивановичъ сію же минуту оставлялъ чтеніе газеты и приступалъ къ переводу латинскаго или греческаго языка и къ разъясненію того, чего ученикъ не могъ самъ понять въ заданномъ урокѣ. Послѣ этихъ разъясненій Лука Ивановичъ опять углублялся въ газету. Представляю портретъ Луки Ивановича: это былъ старикъ лѣтъ 60, тонкій, мускулистый, роста выше средняго, съ короткими сѣдыми волосами, съ строгимъ взглядомъ; руки у него сильно дрожали, (поэтому онъ

и писалъ только карандашомъ) на носу носилъ всегда очки въ бѣлой оправѣ, короткіе усы отъ куренія имѣли желтый оттѣнокъ. Съ газетой въ рукахъ онъ садился на койку или тубаретку по турецки, поджавъ подъ себя ноги. Въ его присутствіи среди учениковъ была образцовая тишина и порядокъ, и на его собенную фигуру съ газетой въ рукахъ ученики посматривали со страхомъ и трепетомъ. У Луки Ивановича было и своихъ три сына, но и съ ними онъ обращался также строго, какъ и съ другими учениками; не дѣлая имъ никакихъ поощреній и предпочтеній. Вечернія занятія заканчивались въ 8 часовъ. Ужинали въ двѣ группы, такъ какъ за однимъ столомъ нельзя было помѣститься всѣмъ ученикамъ. Ужинали въ кухнѣ, которая находилась во дворѣ, совершенно отдѣльно отъ общей квартиры. Время ужина было и временемъ отдыха. Здѣсь Лука Ивановичъ не присутствовалъ и его замѣняла Анна Ивановна, жена его. Насколько Лука Ивановичъ былъ строгъ и взыскателенъ, настолько Анна Ивановна ко всѣмъ была добрая и привѣтливая. Къ ученикамъ она относилась съ чисто-материнскою любовью. Бывало: Лука Ивановичъ оставитъ кого-либо безъ чая, а Анна Ивановна всегда постарается какъ-нибудь напоить чаемъ провинившагося мальчика, что дѣлалось подъ большимъ секретомъ отъ Луки Ивановича. Вскорѣ послѣ ужина читалась молитва, на которой присутствовали всѣ ученики, вмѣстѣ съ Лукой Ивановичемъ. Послѣ молитвы ученики ложились спать, а Лука Ивановича уходилъ въ свою комнату. Иногда между учениками поднимался шумъ. Но достаточно было появиться Лукѣ Ивановичу, какъ шумъ моментально смѣнялся могильной тишиной. Нарушители порядка получили достаточное возмездіе, въ видѣ строгаго выговора, лишенія чая и т. п., а остальные, утрашенные примѣромъ своихъ товарищей, уже не рѣшались возвышать голосъ и молча укладывались спать.

На лицѣ Луки Ивановича почти никогда не было улыбки, всегда онъ былъ серьезенъ. Единственный только случай я помню, когда онъ расхохотался. За длиннымъ большимъ столомъ я си-

дѣль и рѣшалъ задачу на именованныя числа, а на другомъ концѣ этого стола сидѣлъ другой ученикъ и читалъ про себя изъ Родного Слова.

— „Ну, Петя, читай!“ обратился къ нему Лука Ивановичъ.

— „Сѣй песокъ по камню авось взойдетъ“.

— „Ну, что взойдетъ?“

— „Овесъ!“ отвѣчаетъ Петя. Надъ этимъ отвѣтомъ Л. И. и расхохотался, а затѣмъ, принявъ серьезный видъ, началъ объяснять значеніе слова „авось“ Петя сидѣлъ, хлопалъ глазами и на вопросъ: „Понялъ-ли?“—отвѣчалъ: „понялъ.“ И въ его отвѣтѣ „авось“ опять обратился въ „овесъ“. Нѣсколько разъ заставлялъ Лука Ивановичъ прочесть „сѣй песокъ“, но Петя, 12-ти-лѣтній мальчикъ, никакъ не могъ усвоить значеніе „авось“. Въ концѣ концовъ я не выдержалъ и сильно расхохотался надъ отвѣтомъ Пети.

— „И тебѣ, Саша, смѣшно?“ обратился ко мнѣ Лука Ивановичъ.

„Смѣшно“

— „Какъ тебѣ, П...ка, не стыдно: надъ тобой смѣется мальчикъ, который моложе тебя на два года!“ замѣтилъ Лука Ивановичъ, обращаясь къ Петѣ.

„Саша объясни еще ты значеніе „авось“ Предложилъ мнѣ Лука Ивановичъ.

Я объяснилъ.

„Ну понялъ?“ — „Понялъ“ — „что же взойдетъ?“ — „Овесъ“. Впослѣдствіи за тупоуміе Лука Ивановичъ отказался отъ Петьки и изъ него вышелъ сапожникъ, да и то плохой. О физическихъ наказаніяхъ, которымъ Лука Ивановичъ подвергалъ иногда своихъ питомцевъ, — я говорить не стану, — не мѣсто будетъ поминать этимъ своего дорогого учителя. Они были данью своему времени и вызывались искреннимъ желаніемъ добра своему питомцу, желаніемъ исправить его, направить на путь истины. Не было случая, чтобы онъ примѣнилъ наказаніе не по заслугѣ, а если насъ наказываютъ ради нашей пользы, то впослѣдствіи, сознательно сами скажемъ за это

великое спасибо!. Въ числѣ воспитанниковъ Луки Ивановича въ настоящее время можно встрѣтить: земскаго начальника, врача, повѣреннаго по судебнымъ дѣламъ, священника, діакона, учителя, волостного писаря и чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ. Многихъ изъ нихъ я знаю лично, и при разговорѣ всѣ они благодарятъ Луку Иванввича. При воспоминаніи прошлаго, мнѣ кажется много страннымъ: почему ни одинъ изъ воспитанниковъ Луки Ивановича не отмѣтилъ его плодотворной педагогической дѣятельности въ какомъ либо мѣстномъ органѣ печати? отъ многихъ я слышалъ только одинъ благодарный откликъ въ память покойнаго. Мы дѣлаемъ пожертвованія на сооруженіе памятниковъ Лермонтову, Гоголю, Некрасову, Кольцову, которыхъ цѣнимъ за литературныя заслуги, а вмѣстѣ съ тѣмъ не знаемъ могилы своего дорогаго наставника? Многимъ онъ далъ возможность итти прочною дорогою къ высшему образованію. Лука Ивановичъ любилъ образованіе, былъ *необыкновенно* начитанный человекъ; онъ не только былъ знакомъ съ писателями—классиками, но и неопустительно слѣдилъ за всей текущей литературой. Съ цѣльностію его мировоззрѣнія вполне гармонировала цѣльность характера, отличительной чертой—котораго были прямота и честность. Трое его сыновей всѣ окончили академическій курсъ, и въ настоящее время всѣ они въ г. Саратовѣ занимаютъ не послѣднее общественное положеніе. Благодаря любезности одного его сына, своего школьнаго товарища, Дмитрія Лукича въ добавленіе біографіи добавлю: Лука Ивановичъ окончилъ курсъ Саратовской Духовной Семинаріи въ 1848 году. Послѣ этого въ продолженіи 10 лѣтъ онъ былъ учителемъ Петровскаго Духовнаго училища, преподавая ариѐметику и латинскій языкъ. Затѣмъ, вышелъ изъ Духовнаго званія, при Казанскомъ Университетѣ сдалъ экзаменъ на учителя уѣзднаго училища и короткое время былъ учителемъ Арзамаскаго уѣзднаго училища, Нижегородской губерніи. Оттуда онъ вернулся на родину и около 5 лѣтъ состоялъ домашнимъ учителемъ у разныхъ помѣщиковъ Сердобскаго уѣзда. Въ 1873 году онъ опять переѣхалъ въ г. Петровскъ и открылъ у себя пансіонъ.

Побудительной причипой его переѣзда было то, что дѣти его одросли, и ихъ нужно было включать въ духовное училище. Изъ г. Петровска въ 1879 году онъ переѣхалъ въ г. Саратовъ, такъ какъ дѣти его изъ духовнаго училища перешли въ Семинарію и къ тому же въ Петровскѣ было выстроено новое духовное училище съ общежитіемъ учениковъ. Въ Саратовѣ Лука Ивановичъ занималъ большую квартиру и также у него квартировали ученики Семинаріи и духовнаго училища, которыхъ онъ до самой своей кончины репетировалъ по всѣмъ предметамъ. Лука Ивановичъ скончался 1 Юля 1888 года отъ болѣзни почекъ и похороненъ въ г. Саратовѣ на Воскресенскомъ кладьбище. Да будетъ пухомъ земля надъ могилой твоей дорогой учитель!. Пусть добрая память о тебѣ послужить **гордостью** для твоего живущаго родного потомства!.

Ал. Ник. Подхосовъ.